

«На просторах Великой России все, что нужно для жизни, есть... — луга и просторы большие, ископаемых разных не счесть»¹

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ /
ОТВ. РЕД. Л. В. НИКИФОРОВ. М.: ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН, 2011. 385 с. ISBN 9785994002797

*Ирина Троцук**

«Пространственное состояние любой страны во многом определяется тем, как в ней организована система власти» (с. 289).

Природно-пространственный потенциал — сегодня, наверное, один из ключевых столпов консолидации российского общества: по крайней мере, такое впечатление производит официальный государственный (когда речь идет о природных ресурсах страны), массмедийный (публикации фактически об оправданности имперских претензий России по причине обладания ею всеми видами необходимых окружающим государствам сырьевых и агропромышленных возможностей) и даже оппозиционный (протесты против строительства экологически опасных объектов транспортной и энергетической инфраструктуры) дискурсы. «Территориальное пространство страны отмечалось в литературе XIX — начала XX в. в качестве самостоятельной ценности» (с. 70) и не утратило своего значения до сих пор — наоборот, еще больше актуализировалось. Не в последнюю очередь и потому, что слово «пространство» удивительно удобно: в отличие от множества других концептов (скажем, широко используемых сегодня толерантности, модернизации или инновации), оно понятно любому человеку (здесь нет необходимости перевода с «языка» ученых или политиков на повседневный «язык»). Авторы монографии наглядно показывают бессмысленность ряда терминологических споров относительно трактовки «пространства», вполне в духе современного постмодернизма предлагая разумный эклектизм — использовать наиболее обоснованные и релевантные поставленным задачам структурные и факторные интерпретации. Акцент сделан на необходимости отказа от узких трактовок пространства как, например, исключительно природного или оборонного фактора: предельно широкая и многокомпонентная «оптика» предполагает такую «риторику» и «методологию»

* Троцук Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии РУДН. Адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация 117198. Email: irina.trotsuk@yandex.ru

© Троцук И. В., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Стихи В. Лебедева-Кумача.

анализа пространственного потенциала, которая позволяет авторам предложить практические решения по его укреплению, развитию и адекватному использованию.

Природно-пространственный потенциал воспринимается российским населением как однозначное основание для национальной гордости, хотя результаты опросов общественного мнения различаются в зависимости от используемой методики. Отвечая на открытый вопрос (без предлагаемых вариантов ответа), что именно в жизни современной России вызывает у человека чувство гордости за страну, 2% опрошенных называют природный потенциал («одна из самых огромных стран мира», «ресурсы, масштабы земель», «у нас страна большая, много полезных ископаемых, природа необыкновенная», «газа, нефти больше всех, лесов тоже» и т. д.)². В закрытом вопросе «Скажите, что в первую очередь для Вас является предметом гордости за свою страну, свой народ?» при ограничении возможностей ответа четырьмя вариантами каждый третий россиянин выбирает «нашу землю, территорию, на которой мы живем», каждый пятый — «родную природу»³. Когда же в опросе московских студентов был использован набор дихотомических вопросов, где каждому возможному основанию национальной гордости респондент должен был сказать «да» или «нет», природные богатства страны оказались предметом гордости 87% представителей молодого поколения⁴. Очевидно, что проблематика пространственного потенциала предельно и в позитивном ключе актуализирована не только в государственническом и научном, но и в повседневном контекстах.

С другой стороны, столь же однозначно общественное мнение России оценивает использование «ресурсной» базы страны, понимаемой, как и в монографии, очень широко — и в пространственно-географическом, и в природно-сырьевом, и в человеческом измерениях. Каждый второй россиянин убежден, что экономическое отставание препятствует тому, чтобы Россия стала одной из ведущих держав мира⁵; в уже упомянутом опросе московского студенчества респонденты (порядка 87%) не обнаруживают оснований для гордости в деятельности государственных органов управления, в экономической и социальной сферах (прежде всего речь идет об оценках уровня жизни населения). В этом смысле монография, несмотря на свою научность и терминологическую специализированность, в хорошем смысле публицистична благодаря подбору «говорящих» исторических фактов и цитат, опоре на результаты многолетних полевых исследований: с ней было бы полезно ознакомиться широкому кругу читателей, в том числе далеких и от экономической дисциплины, и от науки вообще (жаль, что тираж издания — всего 300 экземпляров).

2. Доминанты №35. 09.09.2010 (<http://bd.fom.ru/pdf/d35gis10.pdf>).

3. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13741>

4. Нарбут Н. П., Троцук И. В. (2009). Ценностные ориентации студенческой молодежи России и КНР: региональный срез (на примере Гуанчжоу и Майкопа, Республика Адыгея) // Вестник РУДН. Серия «Социология». № 4. С. 26–39.

5. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10954>

Авторы монографии ставят перед собой сложнореализуемую и даже претенциозно звучащую цель, которая к тому же имеет весьма негативную коннотацию для научного сообщества (поиск практических решений часто коррелирует с некими идеологемами): проанализировать связку «природный потенциал — социально-экономические стратегии — политическая воля субъектов управления» в контексте решения не только исследовательских, но и прикладных задач — разработки модели рационального освоения, организации и комплексного использования всех потенциальных ресурсных преимуществ России. Авторы не склонны к отвлеченным философским, политэкономическим или идеологическим рассуждениям и последовательно, используя сложный, насыщенный, но выверенный понятийно-категориальный аппарат, выстраивают свою модель из разнодисциплинарных кирпичиков (статистические и исторические данные составляют фундамент возводимого здания).

Книга хорошо логически структурирована. Первый раздел посвящен интерпретациям пространственного потенциала в российской обществоведческой литературе — библиографический аппарат не сводится к сугубо экономическим работам, монография далека от экономического детерминизма. Здесь проработано понятийное поле исследования, систематизированы базовые дискуссии о пространственных проблемах и подходах к использованию пространственного богатства страны с момента становления российской государственности до наших дней. Обозначены как ключевые характеристики анализа пространственно-ресурсного потенциала в отечественной литературе (аналитическо-оценочный и прикладной характер, критика властных решений, преемственность научных идей, осторожность в зарубежных заимствованиях, тяготение к политико-идеологическим полюсам), так и особенности его осмысления экономической мыслью в разные исторические периоды.

Так, в XII–XVIII вв. работы фокусируются на обеспечении материальных потребностей централизованного Российского государства (первые идеи торгового протекционизма и экспорта не сырья, а готовой продукции), сопоставлении российской ситуации с зарубежными странами, решении конкретных хозяйственных задач отдельных территорий с учетом их специфики (оценки перспектив использования природно-ресурсных возможностей страны различаются при общем понимании их величия и мощи). XIX — начало XX века характеризуются «все большим осмыслением, что богатства страны используются крайне слабо... зачатками гражданского понимания путей развития общества, началом создания оппозиции по отношению к хозяйственной политике и управлению государством» (с. 58); появлением новых понятий и идей (в частности, капитала и единого народнохозяйственного комплекса); пониманием социальной цены освоения природной среды; разработкой новых исследовательских методов и подходов, учитывающих особенности отдельных местностей (районирование начинает учитывать и социальный, а не только естественно-природный фактор); «идеологизированностью в сочета-

нии с обостренной „социальностью“» (постоянным поиском лучших форм общественного устройства).

Советский период отличает не только подчинение научной мысли идеологии (антитоварность, огосударствление, административно-территориальное перекраивание страны, «общественный детерминизм» против «географического фактора») и дискуссии о соотношении пространственного и отраслевого подходов, но и разработка вполне адекватных времени идей (например, планомерной организации общественного производства), механизмы и объективные условия реализации которых не позволяли достигать поставленных целей, даже если таковые были разумны. Постсоветский период представлен в монографии очень тезисно: суммированы тематические приоритеты (состояние и перспективы развития отдельных регионов, взаимодействие центра и регионов в контексте межбюджетных отношений и административно-территориального деления и т.д.) и противоречивые оценки самого пространственного потенциала и моделей его использования. Видимо, говорить о концептуальных, идеологически неокрашенных трендах в постсоветской обществоведческой литературе несколько преждевременно — «практически нет исследований, раскрывающих и оценивающих возможности регионов с точки зрения влияния на их развитие и структурно-отраслевые сдвиги возможностей использования пространственного потенциала» (с. 88).

Во втором разделе прописан собственно объект изучения — особенности пространственного потенциала России, причины и «негативные последствия его неудовлетворительного использования» в историческом и недавнем прошлом. Авторы высказывают однозначные оценки уже в названии параграфов, хотя в целом предпочитают смягченные лексические конструкции: «гипертрофия сырьевых добывающих отраслей (административного фактора)»; «безоглядное стремление превратить Россию в капиталистическую страну образца XIX в. привело к экономической и социальной деструкции»; «противоречия в законодательстве встречаются на каждом шагу»; «правовой вакуум в регламентации деятельности объектов государственной собственности» и т.д. Данный раздел выглядит наименее убедительно на фоне остальных за счет использования ряда расплывчатых терминов («мировые цивилизационные центры», «ментальные особенности людей» и др.), некоторой лозунговости отдельных параграфов и очевидной зыбкости границ между «конкретными особенностями России» (пространственно-географическими, естественно-природными, производственно-экономическими, социальными и социально-экономическими и результатами их различных сочетаний), которые становятся тем более сложно различимыми из-за не вполне понятного форматирования текста. Тем не менее последствия неудовлетворительного использования материально-ресурсного потенциала (структурные перекосы в соотношении имеющихся и используемых ресурсов, усиление сырьевой ориентации и зависимость сырьевых отраслей от импорта оборудования, размывание аграрного потенциала и потери в человеческом) и негативные особенности социально-пространственного потенциала современной России (нарастание региональной экономической

и социальной дифференциации, «часто не имеющей объективного оправдания», несовершенство и противоречивость хозяйственного законодательства) охарактеризованы предельно четко благодаря в том числе хорошей сбалансированности аналитических и статистических выкладок.

В третьем разделе территориальная дифференциация пространственного потенциала страны рассмотрена сквозь призму ее организационно-управленческих, поселенческо-расселенческих, сельско-городских и социально-экономических детерминант, т.е. предложена структурная и факторная интерпретация понятия «пространство» в его социально-политико-экономическом контексте. В качестве основных осей организации российской территории выбраны следующие: федерализм (оценивается критически как эклектичный, асимметричный, гиперунифицирующий и незавершенный, хотя естественный и необходимый в российских условиях), историческая логика (смена принципов и способов осуществления производственно-экономической модернизации страны, колебания от укрупнений к разукрупнению областей и обратно) и муниципализация как первичный, микротерриториальный уровень освоения пространственного потенциала (имеет «половинчато-формальный характер» — муниципалитеты лишены необходимых финансовых ресурсов, население — прямых властных функций, поскольку не учтены критерии ресурсной и территориальной достаточности и целостности муниципальных образований и необходимы иные варианты типологизации районов и принципы микрорайонирования).

Расселенческие аспекты пространственного освоения представлены с точки зрения исторически сменяющихся доминант создания поселенческой сети: обслуживающие функции в дореволюционный период, отраслевое развитие и идеологические факторы — в советский (крупные специализированные предприятия как градообразующие, планомерная и административно-унифицированная экономика). Показаны динамические тенденции изменения численности и структуры российских городов и сел, ускорение агломерационных процессов и изменение характера урбанизации в последние десятилетия (сочетание субурбанизации с очаговой рурализацией). Соответственно, становление интегрированной системы «город—село» позиционируется как фактор эффективного использования сельско-городского потенциала: систематизированы основы формирования и концептуальные подходы к развитию данной системы, исторические этапы организации городских и сельских территорий и особенности нынешних процессов интеграции и дезинтеграции города и села; отмечается необходимость «постепенного все большего ослабления их производственной и социально-экономической обособленности».

Заключительный параграф раздела посвящен оценке предпосылок становления многоукладности, а также тезисной характеристике всех типов укладов, в той или иной степени «имманентных социально-экономической специфике России». Несмотря на все различия, их роднит отсутствие сегодня условий для их эффективного развития: государственный, кооперативный, сельский, городской, промысловый, семейный, малопредпринимательский и муниципальный уклады находятся в

кризисном состоянии, процветают олигархический и диаспорный, активно компенсирует диспропорции всех остальных неформальный уклад. Схематичность параграфа связана с тем, что данная проблематика очень подробно рассмотрена авторами в книге, вышедшей в этой же серии, «Экономическая политика»⁶: здесь каждому укладу посвящена отдельная статья, проведен сравнительный страновой анализ предпосылок, логики складывания и траекторий развития различных укладов, представлены конкретные «кейсы» их сосуществования.

Четвертый раздел — самый объемный: в нем детально прописан общий каркас и содержательное наполнение базовых блоков (инвестиционное обеспечение, территориальное планирование, реальная муниципализация и развитие инфраструктуры прежде всего посредством частно-государственного партнерства) разработанной авторами «модели комплексного и рационального использования пространственного потенциала страны», которая предполагает «трансформацию России по пути становления новой посткапиталистической системы смешанного (интеграционного) типа» (с. 230). Речь идет о динамичной и конкурентной взаимосвязи различных социально-экономических укладов с «постоянным усилением гуманистической направленности общественных сдвигов и возрастанием интеллектуальной деятельности», а не о пересмотре итогов приватизации или реализации в отношении олигархов лозунга «отобрать и поделить». Национальные проекты рассматриваются как не вполне удачные в силу ориентации на латание дыр, а не решение глобальных общественных проблем. В качестве альтернативы авторы и предлагают свою модель, в которой целями национальных проектов должны выступать: развитие транспортной, информационной и социальной инфраструктуры; завершение формирования взаимосвязанных федерального, регионального и муниципального уровней; приближение или соединение районов добычи и переработки сырьевых ресурсов; создание условий для становления социально-экономической многоукладности. По каждому из этих блоков подробно прописаны основные понятия, структурные элементы, общие тенденции развития, необходимые институциональные условия и механизмы реализации.

В монографии отчетливо прослеживается несколько сквозных мотивов, которые также хорошо структурируют содержание книги. Во-первых, это идея преемственности: «верность» российского государства исторически сложившимся моделям экспортно-сырьевой экономики (во времена Петра I экспортировали пеньку, лен, дерево, со второй половины XIX в. — зерно, сейчас — нефть и газ); приверженность политического руководства страны моделям унификации (формируемая в последние годы властная «вертикаль» в этом смысле совершенно традиционна) и наращивания бюрократического аппарата для обеспечения жесткого административного контроля; настойчивое игнорирование комплексного подхода в пользу моноформ городского, сельскохозяйственного и промышленного развития (сегодня сохраняются советские традиции рассмотрения территорий в каче-

6. Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы. (2009) / Отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.: Институт экономики РАН.

стве основы размещений соответствующих отраслей); постоянное «забывание» об обустройстве жизни людей и создании социальной инфраструктуры (в послереволюционный и послевоенный периоды тому были объективные причины, сегодня подобной «забывчивости» нет никаких оправданий); устойчивое пренебрежение к аграрному потенциалу и сельскому населению; склонность к крайним позициям и такому накалу страстей в политических дискуссиях, которые затмевают реальные оценки и способность слышать друг друга и т.п. Имеется в виду и поколенческая преемственность методологических подходов и принципов в отношении пространственного потенциала: например, реализация на тех или иных этапах советских социально-экономических преобразований ряда идей эсеровской земельной программы, переселенческой программы кадетов, «продолжение» дореволюционных дискуссий о соотношении пространственного и отраслевого подходов в территориальном планировании и т.д. Не менее важна и преемственность «объективная», из указанных обстоятельств результирующая: общая логика развития советского и дореволюционного города (рост из интересов расширения империи, жесткий административный контроль, определяющая роль русского населения и т.п.); сохранение определенных тенденций дореволюционного расселения в советский и постсоветский периоды (создание городских агломераций и прокладывание магистралей).

Во-вторых, это идея многоукладности в широком смысле слова, которую можно выразить известным высказыванием — «пусть цветут тысячи цветов»: многовариантность как основа типологизации территориальных микрорайонов; многоаспектность как база интеграции города и села в единую социально-экономическую систему; «не может существовать и единого для всех рецепта или инструмента для повышения инновационности» (с. 283) и т.д. Авторами подчеркивается возможность и «потребность признать за экономикой и социальной сферой страны право на многоукладность», которая «создает условия для решения различных социальных проблем, поскольку позволяет включиться в производственную и хозяйственную деятельность практически всем дееспособным социальным слоям, общественным группам и каждому отдельному человеку... является одной из основ развития гражданского общества» (с. 220).

В-третьих, это идея «номиналистичности» множества «реалий» российской жизни в совершенно шекспировском духе «роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет»: можно сколько угодно говорить о местном самоуправлении, но частота подобных мантрообразных высказываний не поможет сложившейся системе финансово беспомощных муниципалитетов сменить занятия «внешней демократической атрибутикой» (выбор герба, знамени и названия муниципального образования) на реализацию действенной местной власти. Аналогична ситуация с федерализмом, практически «фантомным»: «нет нужды объяснять, что реально-го федерализма в стране за все эти годы не наблюдалось» (с. 135). «Специфичен и процесс интенсивной, но ложной урбанизации... — в форме административного роста числа городов за счет преобразования сельских поселений в поселки город-

ского типа, но без принципиальных перемен в их благоустройстве» (с. 170). Авторы используют грамотную схему анализа всех перечисленных проблем: вот классический вариант со всеми элементами и факторами, вот что происходит в России (официально утверждается и практически реализуется) в исторической перспективе и на сегодняшний день, вот что можно и нужно сделать. В итоге не просто утверждается необходимость реального федерализма, реальной муниципализации, реальной многоукладности, реальной урбанизированности, но и предлагается последовательность конкретных шагов по их практическому достижению.

Важно отметить, что авторы стараются показать и положительные, и отрицательные стороны всех рассматриваемых подходов, идей и решений. Скажем, подчеркивание российской самобытности имеет позитивный оттенок, если выступает как основание отказа от бездумного копирования, и негативный — если предполагает отрицание любого зарубежного опыта и сравнительного анализа в принципе. Проектный метод может содействовать решению или ослаблению остроты текущих проблем в сельском хозяйстве и социальной сфере села, но совершенно бессмыслен, если отсутствует стратегия использования аграрного и сельского потенциала. Сложившаяся в России ориентированная на сырьевые регионы структура инвестиций усиливает экономическое неравенство, но одновременно активизирует производство в смежных отраслях и решает задачи инфраструктурного развития. Взвешенно авторы подходят и к оценке советского периода: отмечая непродуманность хрущевских преобразований, называют позитивные результаты системы совнархозов (приток квалифицированных кадров, диверсификация и кооперирование производства, создание межобластной инфраструктуры и т. д.) (с. 85); приводят из советского прошлого примеры «возможных решений как внутри-страновых, при обосновании административно-территориального деления, так и межстрановых территориальных проблем в неоднозначных, сложных и спорных случаях» (с. 148).

Впрочем, в монографии много жестких, но справедливых оценок: «сама природа российского пространственного потенциала исключает разумность межрегиональной и внутрирегиональной унификации» (с. 13); «выбор способов использования пространственного потенциала носил субъективный, противоречивый, неоправданный, а временами и неразумный характер... в связи с использованием... в клановых, сословных, узко групповых интересах» (с. 37); «в тяжелейшем положении оказалось сельское хозяйство, что превратило страну в рынок продовольствия и товаров народного потребления других стран» (с. 47); «преобразования в аграрной сфере посредством административно-властного произвола» (с. 110); категорическое неприятие традиционной российской модели «разрушить до основания, а потом» — «нет жесткой необходимости пересматривать или менять границы субъектов; целесообразно... более рациональное использование территории и ресурсов» (с. 156); «среди последствий новой „рыночной“ политики — разорение и разрушение сельскохозяйственного производства... обнищание широких слоев населения... деформация традиционного процесса интегра-

ции города и села» (с. 206); в современной России «сохраняется и поддерживается государством ориентация на упрочение обюрокраченного примитивного капитализма... и говорить о возможностях развития реальной многоукладности, по меньшей мере, преждевременно» (с. 221). Поэтому общая тональность книги, на верное, грустно-констативная («никакой муниципальной автономии не получилось, закон никем не выполнялся», «муниципальная территория формируется... зачастую не имея ресурсной базы» — таковы российские реалии), хотя иногда авторы не могут сдерживать эмоций, например, искреннего удивления выбором в советский период отраслевого подхода как доминирующего и сохраняющегося до сих пор — «и это в стране, в которой важнейшим богатством является разнообразие ее пространства!» (с. 81).

Монография сложна для чтения: она охватывает огромный исторический, междисциплинарный и статистический массив данных, апеллируя к множеству неоднозначно интерпретируемых даже в научном дискурсе понятий и концепций, поэтому многие вопросы затронуты в ней весьма схематично (но не поверхностно) и требуют от читателя неплохой эрудированности. Авторы компенсируют сложность текста, используя следующие приемы: первый параграф каждого раздела схематично прорисовывает его тематические блоки и дает определения базовым понятиям (пространства, человеческого капитала, муниципализации, урбанизации, неформальной экономики и т. д.) — все они получают свое оценочное и фактуальное наполнение в последующих параграфах; в каждом структурном разделе суммируются основные критерии, подходы, выводы и предложения, которые снабжены прекрасными иллюстрациями и цитатами; многие положения монографии неоднократно повторяются, будучи рассмотрены через разные дисциплинарные «линзы», следуя общей логике перехода от общих положений к их детальной конкретизации.

С другой стороны, содержательная насыщенность позволяет использовать монографию как справочное издание — по истории экономических идей, проектов государственного устройства, пространственного освоения российской территории, развития местного самоуправления, становления основ многоукладности, типологизации критериев дифференциации России по федеральным округам и регионам, изменений правового оснащения экономики страны и т. д. В книге приведены сведения об осознании реальной ценности пространственного фактора и его последовательном законодательном и практическом освоении в США и Западной Европе; табулированные статистические данные (в том числе прошедшие дополнительную обработку или проранжированные), характеризующие самые разные стороны жизни российского общества; подходы к пониманию сути местного самоуправления, выделенные по результатам полевых исследований. Хотя, конечно, для справочного статуса монографии не хватает структурированной библиографии, но это требование вкусовое (сносок в работе достаточно).

Книга лишена пафоса открытия заветного знания: авторы прекрасно понимают и постоянно подчеркивают, что выбранная ими макрооптика влечет за собой

неизбежную схематизацию информации для наглядности и упрощения анализа (различия между более мелкими объектами, скажем, регионами внутри федеральных округов, будут существеннее; понятие «уклад» как обозначение некоей хозяйственной целостности достаточно условно). Они не претендуют на создание идеальной модели (уточняют, что в нее может быть включено больше компонентов, чем описано ими), а постулируют разработку максимально деидеологизированной схемы, содержащей «возможности достижения единения общества на базе обеспечения его внутреннего многообразия, отражающего особенности России», которая прошла успешную апробацию в двух субъектах Российской Федерации. Все это позволяет считать рецензируемое издание прекрасным примером того, как о проблемах, постоянно муссирующихся в российском внутри- и внешнеполитическом (даже геополитическом) дискурсе, можно и нужно говорить: терминологически грамотно, фактуально обоснованно, оценочно нейтрально, пусть и с горечью об упущенных возможностях и допущенных крутых социальных и иных ломках, — без пустых лозунгов об имперском величии, особом российском пути и прочих идеологемах, уже набивших оскомину.

“In the vast spaces of the Great Russia there is all that is necessary for life... — meadows and territories are large, different minerals are countless”

Irina Trotsuk

Assistant Professor, Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation 117198
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Review of *Prostranstvennyj potencial v strategii social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossii* [The Spatial Potential in the Strategy of Russia's Socio-economic Development] (Moscow: Institute of Economics of RAS, 2011).